

Гражданский фактор модернизации в России и ЦВЕ

Юрий Бойко,

доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор

Формирование любого государства неразрывно связано с развитием гражданского сознания населения и ростом гражданской инициативы. В Европе это нашло отражение в том, что основой значительного числа нацио-государств стало гражданское сообщество.

Множественность подходов к определению понятия гражданского общества, выработанных в процессе его исторического развития, свидетельствует о необходимости проведения анализа по конкретным странам. Различия в подходах к интерпретации гражданского общества отразились и в практике функционирования его институтов в тех или иных европейских странах.

В представлениях о гражданском обществе в различных странах Европы вносили свои коррективы их специфические условия – характер и направление государственного строительства, активность участия индивидов в создании общественных организаций. В частности, по-разному формировались элементы гражданского общества в странах Западной и Восточной Европы.

Процессу формирования государств и наций в Западной Европе была свойственна постепенная интеграция различных этносов в единую национальную идентичность с общими рамками территории, экономики, правовой, образовательной и культурной системы, а также исторической памяти. В центре этих процессов находились: лингвистическая ассимиляция, социальная мобилизация и, значительно позже – массовое образование, а также влияние СМИ. При этом, как отметил Даниэль Лернер, происходило формирование “психологически мобильных лично-

стей”, благодаря которым устанавливалась эмпатия между индивидами, принадлежащими к разным этническим и религиозным традициям¹, но проживающими достаточно компактно. Эмпатия практически заняла место традиционной солидарности и коллективного членства, сопровождаясь усвоением “современных” ценностей индивидуальных прав, универсального гражданства и морально автономной личности.

В качестве общих для разных стран черт западноевропейской практики корпоративизма можно отметить разделение властей: исполнительной, зако-

нодательной и судебной, а также учет широких корпоративных интересов. Эти элементы остаются фундаментальным фактом политической жизни. Гражданское общество входит в число институтов управления государством только через индивидуальных членов, принимающих на себя формальные, специализированные политические роли, либо как члены одного из этих институтов, либо как индивидуальные граждане-участники выборов.

Отсюда следует, что гражданское общество может быть понято как синтез коллективной солидарности и индивидуализма. Но тогда, очевидно, важнейшее значение для эффективной деятельности гражданского общества приобретает проблема доверия как к политическим институтам, так и граждан друг к другу.

Наличие доверия – совершенно необходимый компонент любых отношений между людьми. Признается, что любая попытка сконструировать социальный порядок должна опираться на предшествующее установление стабильных социальных отношений взаимного доверия между социальными акторами. При этом, по-видимому, разные формы организации общества предполагают и разные формы установления доверия между акторами.

Исследуя концепции модернизации в 50–60 годы, ученые ставили вопрос о создании новой основы для доверия при переходе к другим типам солидарности и гражданства².

Ими показано, что легитимация современных обществ, которые состоят из сетей взаимодействий на принципах доверия между гражданами, членами семьи, добровольными организациями, гражданскими ассоциациями и т.д., включает, в том числе, на межличностном уровне доверие к правительству. В частности, такой феномен, как социальные программы или прогрессирующая шкала налогов на дохо-

ды, может рассматриваться как ограничение свободного обмена, в основе которого лежат доверие и солидарность в обществе.

Однако сравнительный анализ показывает, что, например, в государствах Центральной и Восточной Европы сложилась иная, чем в Западной Европе ситуация.

Такие страны, как Чехия, Польша и Венгрия, обладали определенными чертами западной плюралистической, институциональной и символической структуры, однако их историческое развитие отличалось своеобразием. В течение долгого периода территории стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) входили в состав имперских образований, и их городам так и не удалось стать независимыми центрами организации интересов индивидуумов или их групп, поскольку с самого начала они оказались в зависимости от государства, чьим интересам им пришлось служить.

Отличие от западной модели наблюдалось также в плане автономии права и феодального принципа взаимного признания прав. На периферии Европы автономия права была резко ограничена принципом директивной власти государства. Это было вызвано тем, что общество было слишком слабо, чтобы самостоятельно регулировать свою деятельность и сохранить независимость. Традиция взаимного признания прав также была строго ограничена, хотя формально сохранялась и в Богемии, и в Венгрии, но чаще всего она вообще отсутствовала – политические права человека были весьма узкими, а взаимное признание прав ограничивалось лишь тем, что допускала элита.

Таким образом, развитию Центральной и Восточной Европы не доставало именно тех черт автономии и плюрализма, которые определяли специфический характер западноевропейского развития.

Кроме того, создание в этих странах системы помещичьего землевладения и усиление крепостного права, как раз в тот период, когда на Западе начало быстро развиваться частное крестьянское землевладение, значительно замедлило развитие независимого предпринимательского класса. Не меньшее значение имела и более поздняя интеграция земельной аристократии в управленческую машину государства в условиях “вторичного феодализма” и отсутствия буржуазного развития. Сформированная таким образом управленческая элита не мыслила себе иного пути, чем разработка принципов модернизации “сверху”. Политическая элита противодействовала формированию гражданского общества, она была не заинтересована в реформах, легитимируя свою позицию утверждением, что государство – это источник прогресса. В результате общество оставалось, по существу, почти незатронутым модернизационными процессами.

Процесс перехода от традиционных обществ к современным, лидерами которого стали страны Западной Европы и США, оказал большое влияние на дальнейшее формирование гражданского общества не только в этих странах, но и далеко за их пределами. Другие государства также включились в этот процесс, именуемый модернизацией, однако особенности их развития не позволили им соперничать с так называемыми “развитыми странами”.

Особенности социального обновления в различных странах мира позволили исследователям условно выделить три “эшелона” модернизации³.

В “первый эшелон” входит значительная часть западноевропейских государств и страны, основанные европейскими поселенцами. Показано, что модернизация в этом случае осуществлялась за счет внутренних источников,

а преобразования шли естественным путем и были синхронизированы друг с другом.

Ко “второму эшелону” относят государства Центральной и Восточной Европы, Грецию, Португалию, Испанию, а также Турцию, Японию и Россию.

В XX в. в этот список вошли наиболее передовые страны Латинской Америки.

Типичной чертой для государств этой группы стало то, что потребность в модернизации в каждом из них осознавалась элитами быстрее, нежели складывались условия для ее проведения. Новый порядок политической и экономической жизни, таким образом, постоянно сталкивался с противодействием старых архаических укладов. Поэтому обновление могло осуществляться только “сверху”. Преобразования в этом случае отличаются неравномерностью темпа, радикализмом и непоследовательностью.

Странами “третьего эшелона” являются бывшие колониальные и зависимые страны Африки и Азии, где модернизация возможна только в виде процесса, привносимого извне, из-за полного отсутствия внутренних предпосылок.

Как известно, для государств “второго и третьего эшелонов” существуют две основные модели модернизации – вестернизация и догоняющая модель⁴.

Вестернизация – это процесс перехода от традиционных обществ к современным путем прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ.

При этом следует различать вестернизацию как модель и вестернизацию как часть любой другой модели, ибо заимствование более передовых образцов неизбежно при модернизации.

Страны Восточной Европы, включая Россию и Турцию, отказались от

пути вестернизации, которая может оказывать негативное влияние на национальный суверенитет, и выбрали концепцию догоняющего развития. Догоняющая модернизация, подобно вестернизации, может быть моделью развития (как это характерно для России, Турции и Мексики), а может быть постоянно существующей частью процесса всякой модернизации.

Модели догоняющего развития свойственен ряд негативных моментов.

Одной из главных проблем стран, выбравших указанную концепцию, становится потеря традиционной культуры без обретения новой, современной, а также разрушение традиций, лишаящее общество духовной перспективы. Кроме того, образование анклавов современной жизни в отсталых странах усиливает социальную несправедливость и делает неустойчивым социальный баланс.

В сочетании с тем, что развитые страны – лидеры модернизации (так называемые страны “золотого миллиарда”) не стоят на месте в своем развитии, вышеперечисленное указывает на малую вероятность уравнивания результатов модернизации с передовыми государствами.

В России, странах Восточной Европы и других государствах, принявших “догоняющую модель”, развитие общества сопряжено с большими трудностями и жертвами, что в ряде случаев приводит к идее “возвращения к национальным традициям” или прямым проявлениям национализма.

К формированию западноевропейских нацио-государств, в их современном виде, привело постепенное выделение из локальной, этнической и других форм солидарности национально-государственной идентичности, а позднее и понятия гражданства.

В Восточной и Центральной Европе ситуация была совершенно иной.

Там национальные государства (или точнее, административно-бюрократические структуры государственного управления) появились только после Первой мировой войны, фактически, еще до формирования наций. При этом, национальные элиты, которые возглавили националистические движения в Восточной и Центральной Европе, не идентифицировали национальную независимость с чем-то, помимо собственных корпоративных интересов. Демократический компонент этих движений оказался в подчиненном положении, а социальные реформы – минимальными.

Таким образом, концепция нации опередила в своем развитии установление необходимых национальных институтов, а зародившаяся национальная идеология стала с большей, чем на Западе, интенсивностью обращаться к этноцентрическому наследию, в том числе этническим ценностям и нормам. Процессы в Восточной и Центральной Европе сильно напоминали аналогичные тенденции в России.

Пережив в имперский период несколько волн модернизации, Россия подошла к XX в. со значительным ростом доли промышленного производства в общественном хозяйстве. Система правления становилась все более представительной, усиливалось действие формализованных правовых норм, общество постепенно осознавало ценность гражданских прав и свобод.

Резонно предположить, что благополучному завершению процесса обновления помешали военные и революционные потрясения начала XX в., однако, по мнению исследователей, проблемы российской модернизации обусловлены также тем, что она проводилась всегда “сверху” с усилением эксплуатации собственного народа. Достигновения более передовых стран заимствовались выборочно, преимущественно

но для военных целей и в обмен на сырьевые ресурсы. Высокий уровень централизации власти обуславливал руководящую роль бюрократии в проведении реформ.

Точно также формула советской модернизации сводилась к “технологическому и материальному прогрессу на основе консервативных институтов”⁵. Поэтому, когда к середине 80-х годов созидательный потенциал коллективизма был практически полностью исчерпан, страна была вынуждена снова приступить к реформам.

По мнению многих специалистов, модернизация так и не стала органичной для России, поскольку, по-прежнему, проводится авторитарными методами государственной властью. Участие институтов гражданского общества и народного представительства при этом не предусматривается.

Аналогично странам Восточной и Центральной Европы, тяготы переходного периода заметно подстегнули в народах России интерес к этнической идентичности, что сильно замедляет развитие гражданского сознания у населения страны и затрудняет формирование институтов гражданского общества.

Таким образом, в России, как и в Восточной Европе, существованию гражданского общества угрожает не полная сформированность частного субъекта, то есть субъекта, чья идентичность и автономия гарантированы законом и пользуются признанием как со стороны других членов общества, так и государства. Это одна из причин крайней хрупкости и уязвимости гражданского общества в странах “второго эшелона” модернизации.

Совершенно очевидно, что для формирования такого типа социальных субъектов необходимы определенные институциональные условия, в частно-

сти, хотя бы минимальные права и свободы, а также целый ряд психологических и культурных предпосылок.

“Субъектами гражданского общества могут быть, – указывает Г.Г. Дилигенский, – во-первых, только люди, знающие, что собственные действия – наилучший способ защиты своих интересов, а также решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем. Во-вторых, реальный или потенциальный субъект гражданского общества – это человек, уверенный в том, что добиться реальных результатов можно, лишь объединив свои усилия с действиями других людей”⁶.

В Восточной Европе никогда не было национальных рамок, сформированных свободно ассоциированными гражданами. Вместо этого, здесь имело место продолжение этнических идентичностей и солидарности, сохранявшихся на протяжении всего XX столетия.

В России этническая ориентация самосознания была, кроме того, искусственно усилена в советское время, когда народам, входившим в состав бывшей Российской империи, большевистской властью было предложено право наций на самоопределение.

Автономия индивида, его освобождение от коммунальной идентичности как предпосылка развития гражданского общества так и не сформировались до конца в современной Центральной и Восточной Европе, а также в России.

Представляется, что для возникновения гражданского общества необходим определенный синтез публичного и частного, социального и индивидуального. Однако приходится признать, что основа этого синтеза, которая существовала в Западной Европе и США в период формирования гражданского общества, сегодня уже не воспроизводится в других регионах мира – в обществах переходного типа. Продолжающееся существование сильной этниче-

ской и групповой солидарности постоянно препятствует появлению правовой, экономической и моральной индивидуальной идентичности, на основе которой, собственно, и формируется гражданское общество.

Индивид, освободившийся от предписанной идентичности, на Западе стал продуктом двух исторических тенденций:

- национальной интеграции;
- универсализации гражданства в границах национального государства.

В Восточной Европе, первая тенденция имела место лишь частично. Вторая – так и не была реализована, причем даже в наиболее развитой Чехословакии, где меньшинства не стали полноценными членами национального сообщества. Эта задача не была решена и во времена социализма, который иногда характеризовали как “негативный Модерн”.

Кроме того, необходимо отметить, что авторитарные режимы, даже эволюционировав, оставляют за собой неформальные политические сети, которые не увеличивают, а уменьшают действенность формальных демократических институтов. Для целого ряда режимов, примерами которых в Европе могут служить Венгрия и Россия, характерно плотное сплетение клиенталистских и персоналистских сетей, а также наличие неформальных “режимов давления”⁷. Подобные механизмы в какой-то степени компенсируют неэффективность формальных структур и институтов авторитарных режимов.

В новых демократиях конфликтный потенциал между старыми и новыми институтами управления достаточно высок. Сплошь и рядом новые политические институты либо быстро разрушаются, либо начинают сотрудничать или реализовывать старые не-

формальные правила. В результате, политические и экономические акторы, вместо соблюдения новых правил, предпочитают следовать известным неформальным нормам и правилам. Таким образом, приобретая внешнюю форму институтов гражданского общества, они фактически воспроизводят авторитарные неформальные сети.

Необходимо помнить, что экономическая и социальная культура народов стран Центральной и Восточной Европы, не исключая Россию, способствовала сохранению у них имперской политической традиции даже после распада Османской, Австро-Венгерской и Российской империй. Возникшие на их “развалинах” национальные государства наследуют прежние этнические предубеждения и имперскую политическую культуру. Идеи этнического и этнотерриториального реванша часто брали верх и гасили зачатки демократических и гражданских основ молодых государств.

С геополитической точки зрения С.У.Ларсен определяет “взаимосвязь между географическим/топологическим местоположением в Европе и успешностью формирования нации и государства”⁸. Для этого он вводит геополитическое понятие “треугольник империй”, имея в виду систему отношений России, Австро-Венгрии и Османской Порты.

Ларсен считает, что нахождение определенных территорий между названными империями вело к запаздыванию в формировании национальных государств (нациогосударств) в Центральной Европе⁸.

Одновременно Ларсен отмечает, что хотя периферийные территории “играли роль «оборонного рубежа»” для империй, их было трудно полностью интегрировать в то или иное имперское государство – они всегда носили в себе потенциал автономизации и сепаратизма. Это связано именно с геополитическими переменными, сопряжением интересов соседствующих в периферийно-контактных зонах государств-центров силы европейской региональной системы.

Нельзя не отметить, что в России становлению гражданского общества также угрожает наличие этнической солидарности из-за возможности исключения некоторых этносов из политической жизни, что противоречит самому определению универсального гражданства в рамках национального государства, на которое опирается западный тип групповых интересов.

Сказанное относится не только к этническим группам, но шире – ко всем корпоративным интересам. Корпоративизм в России, также как и на Востоке Европы существенно отличается от западного. В странах “второго эшелона” модернизации корпоративные группы (как этнические, так и прочие) представляют не только различные интересы, но часто и разные культуры и мировоззрения.

Итак, в рассматриваемых странах европейской периферии (включая Россию) до конца не сформирован субъект гражданского общества, то есть автономный индивид, освобожденный от коммунальной идентичности. Это озна-

чает, в частности, что вектор национальной идентичности направлен на этническое, а не гражданское единообразие. Кроме того, достаточно высокий конфликтный потенциал между старыми и новыми институтами управления.

В условиях слабости новых институтов, политические и экономические акторы предпочитают следовать известным неформальным нормам и правилам, воспроизводя старые авторитарные неформальные сети.

Возвращение к старым нормам снижает степень доверия к власти в обществе, уменьшает эффективность процесса управления государством и темпы модернизации.

Отсюда следует, что дальнейшие шаги на пути формирования элементов гражданского общества должны быть направлены, прежде всего, на переориентацию векторов доверия и групповой идентичности с этнического на гражданское единообразие, а также на формирование правового пространства, в условиях которого снизится возможность реставрации авторитаризма.

Примечания

- ¹ *Lerner D.* The Passing of Traditional Societies. NY: Free Press, 1985. P. 23.
- ² *Eisenstadt S.N.* Modernization, Protest, and Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall. 1966; *Huntington S.* Political Order and Changing Societies. New Haven: Yale University Press. 1968; *Parsons T.* Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966.
- ³ *Бусыгина И., Захаров А.* Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 107–111.
- ⁴ *Федотова В.Г.* Модернизация “другой Европы”. М.: ИФ РАН, 1997. С. 50–63.
- ⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Булганин, 1999. С. 158.
- ⁶ *Дилгенский Г.Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Осень 1997. С. 5–6.
- ⁷ *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 2. С. 21.
- ⁸ *Ларсен Ст.У.* Моделирование Европы в логике Роккана // ПОЛИС. 1995. № 1. С. 41, 45.